

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 902/904(476)“633”

ГРЕНСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

канд. ист. наук, доц. А.В. КОЛОСОВ

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Рассматривается основной круг проблем, существующих в историографии гренской культуры финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. В настоящее время представления о путях и механизмах формирования, времени обитания населения, принадлежащего к этой древнейшей культуре, носят дискуссионный характер. В интерпретации источников сложилось два абсолютно разных с точки зрения методологии научных подхода, объединяющих сторонников автохтонного и миграционного пути возникновения и развития гренской культуры. Понять сущность так называемого «гренского вопроса» невозможно без историографического изучения природы его происхождения, а его решение в настоящее время не может ограничиваться только Верхним Поднепровьем. Оно должно быть включено в общее русло культурологических проблем финального палеолита – мезолита лесной полосы Восточной Европы.

Введение. В последние годы в изучении финального палеолита и мезолита лесной полосы Восточной Европы наметилась тенденция к обобщению и теоретизации знаний. Свое актуальное значение сегодня приобретают вопросы происхождения культуры черешковых наконечников стрел, определения времени эйкуменизации северных широт Европы в поздне- и послеледниковое время. На фоне этих, казалось бы, более или менее разрешимых проблем гренская культура Верхнего Поднепровья заслуживает особого внимания, поскольку является связующим звеном в эволюции культурных традиций между поздним (финальным) палеолитом, с одной стороны, и мезолитом рассматриваемой территории – с другой.

Начиная с 1960-х годов, с момента выделения этой культуры В.Д. Будько [3; 4], была накоплена представительная база источников, позволившая значительно расширить представления по вопросу заселения Восточной Беларуси в период деградации последнего ледника. Однако в процессе обобщения материалов в конце 1980-х – 1990-е годы в историографии финального палеолита Верхнего Поднепровья четко обозначился так называемый «гренский вопрос» (Копытин, Калечиц, Ксензов, Зализняк), в основе которого лежали: 1) происхождение гренской культуры; 2) хронология ее памятников; 3) пути адаптации гренским населением верховьев Днепра и его притоков. На современном этапе исследований гренская проблематика дополняется определением места данной культуры в финальном палеолите и мезолите запада Восточно-Европейской (Русской) равнины, начиная от признания факта универсальности этого культурного явления до возможного (необходимого) его отрицания [38].

Следовательно, наша задача заключается в том, чтобы рассмотреть тот основной круг проблем, который сложился и существует в историографии гренской культуры, что позволит, в конечном итоге, определить состояние и перспективы дальнейшего изучения этого во многом неоднозначного, с историографической точки зрения, культурного явления в финальном палеолите и мезолите Восточной Европы.

Основная часть. Свое название гренская культура получила по стоянке в урочище Гренск, расположенном на правом берегу р. Сож, на восток от д. Ворновка Кормянского района Гомельской области. Первые сведения о памятниках, которые в настоящее время определяются в качестве гренских, стали известны еще в конце XIX века [6; 33]. Начало систематического изучения стоянок каменного века Восточной Беларуси, в том числе и гренской культуры, восходит к 1920 – 1930-м годам и связано с работами К.М. Поликарповича [27 – 29; 31]. Основные выводы ученого базировались на анализе коллекций, полученных преимущественно путем поверхностных сборов. Материалы, обнаруженные на стоянках гренской культуры, относились К.М. Поликарповичем к эпипалеолиту и демонстрировали преемственность и непрерывность исторического процесса в рамках стадийного подхода [30; 31]. Таким образом, довоенные исследования заложили базу источников, изучение которых в последующие годы дало необходимый импульс для развития представлений о культурной специфике памятников и их хронологии.

Научное обоснование гренская культура получила в исследованиях В.Д. Будько [3; 4], который, собственно, ее и выделил, а также В.П. Ксензова [20 – 24], В.Ф. Копытина [15 – 18], Е.Г. Калечиц [10; 11]. Проблема развития гренских древностей затрагивалась также в работах Л.Л. Зализняка [7 – 9], А.Е. Кравцова и А.Н. Сорокина [19], А.Е. Кравцова [43], А.Н. Сорокина [35 – 38], Г.В. Сеницыной [34], К. Шимчака [45], С. Козловского [41; 42], З. Сульгустовски [44] и других.

Основная часть стоянок гренской культуры локализуется на территории Верхнего Поднепровья: в бассейне р. Днепр это стоянки¹ Боровка, Орша-1, Дальнее Лядо, Коромка, Лудчицы, Могилевская, Малое Заречье, Хвойная; на р. Сож – Гренск, Журавель, Поклады-2; на р. Беседь – Печенеж; на р. Друть – Виричев, Вишенька, Чигиринка; на р. Березина – Гута-1 [12].

Однако география памятников с находками ассиметрично-черешковых наконечников стрел с боковой выемкой не ограничивается только обозначенным выше регионом. В последние годы на территории Беларуси наконечники этого типа обнаружены в междуречье Немана и Припяти [26, с. 157 – 161]. Они также распространены среди памятников Волго-Окского междуречья и объединены в отдельную иеневскую культуру [19; 36, с. 76 – 78], а также бассейна р. Десна (песочноровская культура) [8, с. 96 – 101; 9, с. 55 – 62]. Элементы культуры с ассиметрично-черешковыми наконечниками стрел встречаются в материалах стоянок Восточной Польши (так называемая «деснинская культура») [26, с. 157 – 161; 41; 42; 45, с. 70; 44, с. 123 – 133], Литвы [32] и севера Европы [9; 41; 42; 46].

Проблемы генезиса. Вопросы происхождения и хронологии памятников гренской культуры во многом остаются не решенными, что неоднократно подчеркивалось в литературе [8, с. 223; 10, с. 117 – 119; 11, с. 44 – 72; 15, с. 57; 17; 20; 24]. Впервые вопрос о генезисе гренской культуры был поставлен В.Д. Будько [4, с. 35 – 44]. Формирование «свидерско-гренской культуры», а именно под таким названием первоначально фигурировало данное культурное явление, он связывал с традициями «костенковско-авдиевской, елисеевичской, юдиновской, тимоновской» позднепалеолитических культур [4, с. 42]. Однако это предположение не имело под собой надежной фактологической базы, что не могло не вызвать критику со стороны исследователей [1, с. 39 – 40; 15, с. 11; 17; 24, с. 16 – 36; 39].

Таким образом, на этапе становления представлений о генезисе гренской культуры сложилось историографическое направление, сторонники которого пытались и пытаются обосновать родство гренска с традициями позднего палеолита центра Русской равнины.

Концепцию об автохтонном пути развития гренских древностей Верхнего Поднепровья наиболее обстоятельно в своих работах изложил В.Ф. Копытин [15 – 18]. Так, гренское население, по мнению этого исследователя, являлось прямым генетическим потомком представителей мезинских культурных традиций позднего палеолита. Выводы В.Ф. Копытина основывались на анализе всех типобразующих форм кремневого инвентаря памятников гренской культуры, в результате чего удалось обнаружить «поразительное сходство» мезинских и гренских традиций в обработке кремня [1, с. 39 – 55; 15, с. 10 – 27; 16, с. 257 – 261; 17; 18].

Взгляды В. Копытина на генезис гренской культуры разделяют Е.Г. Калечиц [11] и А.А. Чубур [40]. Последний автор полностью солидарен с мнением В.Ф. Копытина по вопросу происхождения гренской культуры. Ее появление рассматривается как результат развития обработки кремня, в рамках выделенной А.А. Чубуром «гмелинско-мезинской эволюционной ветви», где особую роль при этом сыграли памятники одного из вариантов мезинской археологической культуры – днепровской (среднеднепровская группа) [40, с. 46 – 49]. При этом А.А. Чубур пытается связать генезис отдельных гренских стоянок с памятниками «типа Быки – Мезин – Супонево», а также Межиричами и Добраничевкой [40, с. 48 – 49].

В свою очередь, Е.Г. Калечиц считает необходимым обратить внимание на поиски местного субстрата и возможную связь гренска с традициями Бердыжа, что подкрепляется более поздней для этого позднепалеолитического памятника Восточной Беларуси датой² [11, с. 54]. Аналогичное мнение о возможной связи гренской культуры с поздним палеолитом Русской равнины в свое время выразил В.Д. Будько, который видел преемственность в формах черешковых наконечников стрел ранней группы стоянок гренской культуры и наконечников с боковой выемкой костенковско-авдеевской культуры [5, с. 135].

Идеи автохтонного происхождения и развития гренских древностей сегодня придерживается и Г.В. Сеницына [34, с. 168 – 170]. Гренская культура, по мнению исследовательницы, является ярким примером развития местных традиций единого позднемезолитического культурного пространства, которое сложилось на территории Верхнего Поднепровья на рубеже плейстоцена – голоцена. Этот факт подкрепляется не только представлениями о специфике кремневого инвентаря гренской культуры, который, по мнению Г.В. Сеницыной, заметно отличается от технокомплекса бромме-лингби, но и естественнонаучными датами, полученными для финальнопалеолитических памятников Валдайской возвышенности, о чем будет сказано ниже.

Другой взгляд на генезис гренской культуры в своих работах предложили украинский археолог Л.Л. Зализняк и белорусский исследователь В.П. Ксензов [7 – 9; 20; 22, с. 7 – 11; 24]. При этом формирование представлений о генезисе гренской культуры последнего ученого шло параллельно с развитием идей Зализняка и фактически демонстрировало неразрывную связь основных концептуальных положений

¹ Здесь и далее указаны стоянки, исследованные только путем раскопок.

² Имеется в виду дата 15100 ± 250 лет (ОхА-716).

ний по гренской проблематике обоих исследователей. С позиций миграционизма ученый объединяет гренские памятники в рамках выделенной им красносельской культуры, происхождение которой выводится из традиций культуры восточного лингби. По мнению исследователя, во время аллередского потепления и в начале позднего дриаса лингбийское население в результате миграций смогло освоить обширную территорию: от бассейна р. Одер до верховьев Волги [9, с. 44 – 51]. Часть лингбийских охотников, мигрировавших на юго-восток, стала той генетической основой, на которой впоследствии сформировалась красносельская культура. Территориально эта культура охватывала верхнее течение Немана, Припятское Полесье и Верхнее Поднепровье. Главным аргументом Л.Л. Зализняка в пользу западного происхождения красносельской культуры является наличие в ее комплексах наконечников типа лингби [9, с. 44 – 49]. Мнение Л.Л. Зализняка относительно генезиса гренской культуры, как отмечалось выше, разделял В.П. Ксензов [20, с. 48 – 52; 22, с. 7 – 11; 23; 24, с. 16 – 39]. Руководствуясь формами наконечников стрел, Ксензов происхождение гренской культуры вначале рассматривал в контексте развития аренсбургских традиций [20, с. 48 – 52], а несколько позже – лингбийских [22, с. 7 – 11; 23; 24, с. 16 – 39].

По мнению В.П. Ксензова, предшествующими гренской культуре были стоянки Аносово и Берестеново на Верхнем Днепре. Материалы этих памятников связывались с традициями культуры лингби, которая, по версии исследователя, стала «непосредственной генетической основой гренской культуры» [24, с. 16 – 39]. Одним из главных направлений миграционных потоков лингбийского населения в Верхнее Поднепровье, по его мнению, был западный. Доказательством «западного» происхождения ранних комплексов гренской культуры являлась схожесть форм черешковых наконечников стрел, известных среди лингбийских стоянок на территории Понеманья и Припятского Полесья [22, с. 11; 23; 24, с. 36].

Вместе с тем В.Ф. Копытин отрицал возможность формирования гренской культуры на базе лингбийской. Распространение черешковых наконечников стрел, так похожих по своей форме на лингбийские, объяснялось исследователем конвергентным развитием финальнопалеолитических культур Восточной Европы, оказавшихся в сходной экологической ситуации [17, с. 134 – 135].

Проблемы хронологии. За неимением абсолютных дат для гренской культуры мнения о проблеме определения ее временных рамок разделились и приобрели дискуссионный характер. Но какими бы ни были взгляды на хронологию гренской культуры, каждый из них базируется, в первую очередь, на результатах сравнительного и преимущественно типологического анализа кремневого инвентаря, что, естественно, сужает возможности исследователей в решении данного вопроса.

Первая хронологическая схема для гренской культуры была предложена В.Д. Будько [4]. В ее основу легли сведения о стоянках Гренск, Подлужье и Коромка. Стратиграфические наблюдения и представление об эволюционном развитии форм орудий труда этих памятников позволили В.Д. Будько выделить три хронологических этапа в развитии «свидерско-гренской культуры». Памятники первого этапа им датировались ранним дриасом. Второй этап определялся временем не позднее беллинговского интерстадиала, третий приходился на аллеред [4]. Однако позднейшие исследования гренских стоянок обнаружили ошибочность взглядов В.Д. Будько на проблему развития культуры и показали невозможность их применения для хронологических построений [1, с. 39 – 55; 15, с. 10 – 27, 32 – 47; 24, с. 23 – 25].

Исследователь В.Ф. Копытин выделял две хронологические группы памятников гренской культуры [1, с. 39 – 55; 15, с. 10 – 27, 32 – 47]. В первую группу он включил стоянки Боровка, Коромка и Хвойная и датировал их финальным палеолитом (12 – 10 тыс. лет назад). Вторая хронологическая группа была представлена стоянками Гренск, Могилевская, Лудчицы, Чигиринка и относилась к раннему мезолиту (10 – 8 тыс. лет назад). Такое хронологическое деление материалов гренской культуры, по мнению В.Ф. Копытина, было обосновано особенностями топографии стоянок: «все памятники раннего мезолита расположены ниже 150 м над уровнем моря» [1, с. 46], что не подтверждается современными научными исследованиями. Граница между комплексами финального палеолита и раннего мезолита В.Ф. Копытиным проводилась условно и строилась на представлении об эволюционном развитии техники расщепления кремня и отдельных форм орудий труда [1, с. 45 – 46; 15, с. 32].

Разделяя в целом взгляды В. Копытина на хронологию гренской культуры, Е.Г. Калечиц с учетом данных палеогеографии предлагает удревнить ее на два-три тысячелетия, поскольку «территория Восточной Беларуси южнее Оршы могла быть обжита практически весь период позднеледниковья, даже с 15 тысячелетия, когда ледник окончательно покинул границы Беларуси» [11, с. 53]. Примерно такого же мнения придерживается и А.А. Чубур, который определяет возраст гренских памятников «между 11000 – 13000 л. н.» [40, с. 49].

С учетом новых геомагнитных датировок для памятников финального палеолита Валдайской возвышенности, отдельные из которых проявляют типологическое сходство со стоянками гренской культуры (Вышегора-1), Г.В. Синицына предлагает «вернуться к точке зрения В.Д. Будько, который датировал среднюю группу гренской культуры временем не ранее беллинга и не позднее аллереда, т.е. 12,7 – 11,8 т. л. н., что согласуется с определением возраста погребенной почвы на стоянке Вышегора I» [34, с. 170].

Безусловно, материалы Г.В. Синицыной открывают новые перспективы в решении проблем генезиса и хронологии гренской культуры, характера культурно-исторических связей населения Верхнего Поднепровья в конце ледниковой эпохи. Однако следует помнить, что выводы В.Д. Будько относительно хронологии выделенной им «свидерско-гренской культуры» строились на некорректной системе критики источников [1, с. 39 – 55; 15, с. 10 – 27, 32 – 47], поэтому нет никакой необходимости накладывать абсолютные даты, полученные для памятников Валдая, на хронологическую схему В.Д. Будько.

Рассматривая хронологию и периодизацию красносельской культуры, Л.Л. Зализняк определил время развития ее кремневой индустрии поздним дриасом [9, с. 46 – 51]. Он считает, что в конце аллередского потепления и в начале позднедриасового похолодания происходит трансформация памятников восточного лингби в красносельскую культуру. Последняя в начале пребореала стала основой для формирования иеневских и песочноровских древностей [8, с. 96 – 101; 9, с. 46 – 51, 62]. Переходными от красносельской к иеневской и песочноровской культурам, по мнению Л.Л. Зализняка, являются верхнеднепровские памятники типа Боровка.

Концом финального палеолита и мезолитом датировал гренскую культуру В.П. Ксензов [20, с. 48 – 52; 22, с. 7 – 11; 24, с. 29 – 31]. В качестве хронологических реперов В.П. Ксензов использовал понятие об изменчивости форм орудий труда, скребково-резцовый показатель, наличие или отсутствие в составе коллекций геометрических микролитов – трапеций. Это позволило в развитии культуры выделить три хронологических этапа. Первый этап, по мнению В.П. Ксензова, приходился на поздний дриас (10800 – 10300 лет назад) и характеризовался материалами стоянок Аносово, Берестеново, Лудчицы и, возможно, Коромка. Второй этап датировался пребореалом – бореальным периодом (10300–8000 лет назад) и объединял стоянки Боровка, Орша-1, Гренск, Гута-1, Журавель, Песчаница и Хвойная. Третья хронологическая группа относилась к атлантическому времени (8000–7000 лет назад) и определялась материалами стоянок Рекорд, Речица-2 и Чижовка. Таким образом, посожские стоянки Гренск и Журавель относились к раннему мезолиту.

Однако такая схема временного развития гренской культуры не нашла поддержки среди отечественных исследователей [1, с. 39 – 55; 11, с. 47; 15, с. 12; 17, с. 133], так как возраст некоторых гренских стоянок, определенных В.П. Ксензовым, не соответствовал реальной палеогеографической ситуации. Дискуссионный характер приобрело датирование отдельных памятников гренской культуры поздним мезолитом только на основании факта присутствия в коллекции трапеций. Действительно, высокие и средневысокие трапеции сопровождают кремневый инвентарь стоянок Рекорд и Речица-2. Но сами коллекции этих памятников получены в результате поверхностных сборов. В них кроме гренских имеются материалы кудлаевской мезолитической культуры, неолита и бронзового века [21; 21]. Поэтому присутствие трапеций, по нашему мнению, не является надежным показателем позднемезолитического возраста гренской культуры, поскольку данная группа микролитов относится к числу кудлаевских находок, что признавал и сам В.П. Ксензов [20, с. 105 – 110; 21, с. 16, 25]. Более того, коллекции стоянок Речица-2, Рекорд и Чижовка статистически не выражены, поэтому и не могут быть использованы для хронологических построений и тем более обоснования отдельного позднемезолитического этапа в развитии гренской культуры.

С учетом радиоуглеродных дат, возникновение кремневых комплексов с трапециями в иеневской культуре междуречья Волги и Оки относится к другой половине пребореала – началу бореального времени [19, с. 38 – 60; 36, с. 77 – 78; 43]. К такому выводу приходит и Л.Л. Зализняк, когда рассматривает проблемы хронологии песочноровской культуры деснинского бассейна [8, с. 216 – 224; 9, с. 60 – 62].

Обращая внимание на весь круг проблем гренской культуры, нельзя обойти вниманием работы польских исследователей. Так, польский археолог С. Козловски считает гренскую, или деснинскую, по терминологии польских исследователей, культуру палеолитической. «Палеолитический» аспект деснинской культуры, – пишет С. Козловски, – ее хронология, картографические данные и присутствие элементов деснинской культуры в свидерской, говорят о том, что эта культура позднего палеолита, сложившаяся еще в начале постледниковой эпохи» [41, с. 99]. Начало же формирования деснинской культуры С. Козловски ведет от IX тыс. до н.э. и доводит время ее существования до раннего голоцена [41; 42, р. 30 – 35]. Именно после окончания ледниковой эпохи, как считает С. Козловски, происходит трансформация деснинских древностей в целый ряд «пост-деснинских» культур.

По мнению К. Шимчака, деснинские элементы на памятниках северо-восточной Польши известны на протяжении аллереда – бореального времени [45, с. 70]. Аналогичных взглядов придерживался и отечественный исследователь В.С. Обуховский, который допускал возможное взаимодействие населения волкушанской культуры с гренским «не позднее середины дриаса III» [26, с. 159].

Исследовательница З. Сульгустовска для бореального времени отмечает широкие миграции гренского населения в западном направлении [44, с. 134]. Причиной такой активной мобильности гренских охотников, как считает исследовательница, был поиск и добыча гематита, месторождения которого известны около местечка Рыдно. Однако, несмотря на наличие в кремневых комплексах стоянок указанной

территории ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой, нельзя согласиться с тем, что население гренской культуры Верхнего Поднепровья и тем более Посожья – региона, богатого на залежи мелового кремня, – намеренно совершало столь дальние походы за сырьем совершенно другого качества. Это подтверждается и отсутствием изделий из гематита в кремневом инвентаре днепровских и сожских стоянок гренской культуры.

Проблема исторических судеб. В настоящее время очень сложно решается вопрос об исторических судьбах гренского населения, особенного того, которое проживало в бассейне р. Сож. И если для В.П. Ксензова эта проблема оставалась открытой, то в современной историографии сложилось устойчивое мнение рассматривать гренскую культуру в качестве прямого генетического предка населения двух культурных традиций – иеневской в Волго-Окском междуречье и песочноровской в Среднем Подесенье [1, с. 52; 8, с. 223; 9, с. 51, 60 – 62; 15, с. 46 – 47].

На основе аренсбургских и красносельских традиций, по данным Л.Л. Зализняка, в Скандинавии сформировалась постаренбургская культурная зона, в которую, кроме иеневской и песочноровской культур, входили также культуры Фосна и Комса [9, с. 51]. Аналогичных взглядов придерживается и С. Козловски, который считает, что в начале голоцена в междуречье Верхнего Днепра и Десны возникла «пост-деснинская» культура, близкородственная культурам европейского севера – Фосна и Комса [42, с. 30 – 35].

По мнению В.Ф. Копытина и Е.Г. Калечиц [1, с. 55 – 67; 11, с. 67 – 72; 15, с. 48 – 58; 17], часть гренского населения, при опосредованном участии свидерского, стала генетической основой для сожской культуры позднего мезолита (8000 – 6000 лет назад). Представления об этой локальной культуре строились на идее аккультурации традиций целого ряда мезолитических культур. Археологически это подтверждалось присутствием в составе кремневого инвентаря сожской культуры гренских (техника расщепления и орудия труда) и свидерских (наконечники стрел с плоской подтеской черешка) элементов.

Однако анализ коллекций опорных памятников сожской культуры показал, что конгломерат ее кремневых комплексов является результатом естественного (механического) смешения материалов разных культур, а не примером взаимодействия и взаимовлияния разнокультурных традиций, на базе которых впоследствии формировались отдельные локальные группы памятников [13; 14]. Поэтому идею трансформации гренской культуры в некое новое и своеобразное явление позднего мезолита Посожья, на наш взгляд, следует считать только моментом историографии. Тем более что сожская культура относилась к числу «постсвидерских культур» или «культур свидерских традиций» эпохи мезолита [11, с. 66 – 67; 15, с. 49, 54]. Следовательно, в области противоречий оказалось мнение о роли гренской культуры в сложении сожских древностей.

В последнее время высказывается мнение о возможном удревнении иеневской культуры междуречья Волги и Оки [37, с. 68 – 85; 38]. Объективность абсолютных дат этой культуры ставится под сомнение, что, как считает А.Н. Сорокин, объясняется «феноменом натурального омоложения палинологических спектров и радиоуглеродных образцов» [37, с. 81]. По времени иеневская культура, как считает А.Н. Сорокин, может соответствовать финальному палеолиту, и, следовательно, традиции иенева поставлены в один ряд с такими культурами, как аренсбургская, гренская, песочноровская, усть-камская. Этим признается культурное своеобразие иеневских древностей, генетически связанных, по мнению А.Н. Сорокина, с кругом культур бромме-лингби [37, с. 81 – 82; 38].

Если выводы А.Н. Сорокина верны, тогда необходимо будет признать древность не только самой гренской культуры, что, собственно, согласуется с новыми датами, полученными Г.В. Синецкой для памятников Валдайской возвышенности, но и иеневско-песочноровских комплексов с трапециями. Естественно, кремневый инвентарь гренской, иеневской и песочноровской культур типологически сближает общность форм отдельных орудий, в первую очередь ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой. Однако нельзя не заметить отсутствие в составе гренского технокомплекса геометрических микролитов (трапеций, треугольников, сегментов). С одной стороны, это может отражать локальную специфику гренских древностей на фоне иеневских и песочноровских, с другой – являться хронологическим показателем.

Правда, если строго подходить к трапециям как к одному из критериев хронологического определения материалов культуры, то нельзя не заметить, что единичные формы этих геометрических микролитов известны и в некоторых комплексах гренской культуры. Например, грубая ассиметричная трапеция обнаружена в кремневом инвентаре стоянки Хвойная. Памятник по стратиграфическим наблюдениям В.Ф. Копытина датируется началом позднего дриаса [15, с. 25 – 27; 16]. Известны трапеции и в коллекции Гренской стоянки, но отсутствие выразительной стратиграфии памятника, наличие разновременных материалов не позволяют связать находки этих микролитов конкретно с гренским комплексом.

Для решения вопроса о времени появления в среде культуры ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой геометрических микролитов, как, впрочем, и культуры в целом, требуется привлечение надежных источников, обеспеченных данными естественных наук. На данном же уровне исследования речь должна вестись не о начале появления трапеций как таковых, а о начале наибольшего и, заметим, повсеместного их распространения. Этот факт, на наш взгляд, либо дает яркий пример технических новаций в среде культур охотников на северного оленя, связанных с изменением способов ведения хозяйства в условиях трансформации окружающей среды на рубеже плейстоцена – голоцена, либо появление микролитов может отражать культурную специфику. Но в любом случае, мы не вправе пока считать абсолютной истиной мнение о появлении комплексов с трапециями в иеневской культуре уже в позднеледниковое время, тем более что и ранние (финальнопалеолитические) даты для иеневских и песочноровских стоянок, на которых эти геометрические микролиты образуют серии, не известны.

В целом гренская, иеневская и песочноровская культуры – это не просто явления одного генетического порядка, а пример эволюции культурных и хозяйственных традиций населения в условиях трансформации окружающей среды в конце эпохи плейстоцена – начале голоцена. В данном случае материалы памятников гренской, иеневской и песочноровской культур выступают своеобразным инструментом в изучении проблем круга культур ассиметрично-черешковых наконечников, распространенных в разных регионах Восточной Европы. В этом плане следует признать справедливым мнение Е.В. Леоновой, которая объединяет комплексы с ассиметричными наконечниками в «единое информационное пространство, границы которого, вероятно, менялись во времени» [25, с. 147 – 148]. Значит, культурное своеобразие Верхнего Поднепровья, Волго-Окского и Деснинского бассейнов в составе этого единого пространства является показателем тех технических и хозяйственных изменений, роль в которых, безусловно, сыграл экологический фактор [2].

Заключение. Отмеченные выше проблемы в историографии гренской культуры остаются во многом открытыми и до конца нерешенными. Попытки рассмотрения того или иного вопроса, связанного с генезисом, хронологией, историческими судьбами гренского населения, опираются в отсутствие памятников, имеющих выраженную стратиграфию и характеризующихся надежными и представительными, с источниковедческой точки зрения, комплексами вещевого материала.

Вряд ли решение «гренского вопроса» в настоящее время может ограничиваться только Верхним Поднепровьем. Оно должно быть включено в общее русло культурологических проблем финального палеолита – мезолита лесной полосы Восточной Европы. Поиск же памятников, обеспеченных естественнонаучными датами, сравнение их с материалами сопредельных территорий позволит не только проследить генезис и эволюцию традиций кремнеобработки населения, обитавшего в Восточной Европе на заключительных этапах эпохи палеолита, но и определить их роль в формировании мезолитических культур рассматриваемой территории, что требует соответствующего комплексного изучения имеющихся источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологія Беларусі: у 4 т.; рэдкал.: М.В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 1997. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / Э.М. Зайкоўскі [і інш.]. – 424 с.
2. Балакин, С.А. Хозяйственно-экономическое развитие в голоцене и проблема археологических критериев мезолита / С.А. Балакин, Д.Ю. Нужный // Каменный век на территории Украины: Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей. – Киев, 1990. – С. 90 – 101.
3. Бутько, В.Д. Палеолит Белоруссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В.Д. Бутько; Ленингр. отд-ние Ин-та археологии АН СССР. – Л., 1962. – 21 с.
4. Бутько, В.Д. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии / В.Д. Бутько // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л., 1966. – № 126: У истоков древних культур. – С. 35 – 46.
5. Бутько, В.Д. Поздний палеолит Северо-Запада Русской равнины / В.Д. Бутько, Р.А. Сорокина // Природа и развитие первобытного общества. – М.: Наука, 1969. – С. 127 – 136.
6. Данилевич, В.Е. Стоянка и мастерская каменного века в Могилевской губернии, исследованная летом 1893 года / В.Е. Данилевич // Киевская старина. – Киев, 1895. – Т. II. – С. 12 – 19.
7. Зализняк, Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита / Л.Л. Зализняк. – Киев: Наукова думка, 1989. – 173 с.
8. Зализняк, Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи / Л.Л. Зализняк. – Київ: Нац. ун-т «Киево-Могилянська Академія», 1999. – 283 с.

9. Залізняк, Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л.Л. Залізняк // Кам'яна доба України. – Київ: Шлях, 2005. – Вип. 8. – 184 с.
10. Калечиц, Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е.Г. Калечиц. – Минск: Наука и техника, 1987. – 158 с.
11. Калечиц, Е.Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е.Г. Калечиц. – Минск: Экоперспектива, 2003. – 223 с.
12. Калечиц, А.Г. Палеалітычныя помнікі Беларусі: (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А.Г. Калечиц, А.У. Коласаў, В.С. Абухоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 323 с.
13. Колосов, А.В. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры / А.В. Колосов // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2005. – № 4. – С. 8 – 14.
14. Колосов, А.В. К вопросу о локальных культурах «свидерских традиций» в мезолите Восточной Беларуси / А.В. Колосов // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 23 – 29.
15. Копытин, В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин. – Могилев: Изд-во «Могилевское управление по печати», 1992. – 86 с.
16. Копытин, В. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья / В. Копытин // Tanged pointes cultures in Europe. – Lublin, 1999. – С. 256 – 266.
17. Копытин, В.Ф. У истоков гренской культуры. Боровка / В.Ф. Копытин. – Могилев: Изд-во «МГУ им. А.А. Кулешова», 2000. – 143 с.
18. Копытин, В.Ф. Финальный палеолит Верхнего Поднепровья как историческая эпоха / В.Ф. Копытин // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2005. – № 20. – С. 5 – 15.
19. Кравцов, А.Е. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита / А.Е. Кравцов, А.Н. Сорокин. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1991. – 66 с.
20. Ксензов, В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В.П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 134 с.
21. Ксензов, В.П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / В.П. Ксензов; АН Беларуси, Ин-т истории. – Минск, 1994. – 33 с.
22. Ксензов, В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В.П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5 – 20.
23. Ксензов, В.П. Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье / В.П. Ксензов // Tanged pointes cultures in Europe. – Lublin, 1999. – С. 229 – 239.
24. Ксензов, В.П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В.П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 13. – 170 с.
25. Леонова, Е.В. К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна / Е.В. Леонова // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). – М., 2007. – С. 119 – 154.
26. Обуховский, В.С. «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы / В.С. Обуховский // Романовские чтения-3: сб. тр. междунар. науч. конф., Могилев, 23 – 24 нояб. 2006 г.; под ред. И.А. Марзалюка. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2007. – С. 157 – 161.
27. Палікарповіч, К.М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа / К.М. Палікарповіч // Працы кафедры археалогіі. – Мінск, 1928. – Т. 1. – С. 123 – 252.
28. Палікарповіч, К.М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа / К.М. Палікарповіч // Працы археалогічнай камісіі. – Мінск, 1930. – Т. 2. – С. 383 – 478.
29. Палікарповіч, К.М. Досьледы культур каменнага і бронзавага пэрыядаў у БССР у 1930 – 1931 гг. / К.М. Палікарповіч // Працы сэкцыі археалогіі. – Мінск, 1932. – Т. 3. – С. 227 – 230.
30. Поликарпович, К.М. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья / К.М. Поликарпович // Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – Москва – Ленинград – Новосибирск, 1934. – Вып. IV. – С. 75 – 87.
31. Поликарпович, К.М. Стоянки среднего Посожья / К.М. Поликарпович // Материалы по археологии БССР. – Минск, 1957. – Т. 1. – С. 45 – 148.
32. Римантене, Р.К. Палеолит и мезолит Литвы / Р.К. Римантене. – Вильнюс: Минтис, 1971. – 203 с.
33. Романовъ, Е.Р. Старина доисторическая Северо-Западного края. Популярный очеркъ / Е.Р. Романовъ // Виленский календарь на 1908. – Вильно, 1908. – С. 65 – 110.
34. Синицына, Г.В. Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена – голоцена / Г.В. Синицына // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: материалы междунар. конф. – М., 2008. – С. 161 – 172.

35. Сорокин, А.Н. Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы / А.Н. Сорокин. – М.: Наука, 2002. – 251 с.
36. Сорокин, А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна / А.Н. Сорокин // Проблемы каменного века Русской равнины; под ред. Х.А. Амирханова. – М.: Науч. мир, 2004. – С. 59 – 89.
37. Сорокин, А.Н. Проблемы мезолитоведения. The Mesolithic Problems / А.Н. Сорокин. – М., 2006. – 216 с.
38. Сорокин, А. На переломе эпох / А. Сорокин, С. Ошибкина, А. Трусов. – М., 2009. – 387 с.
39. Формозов, А.А. Использование подъемного материала с донных стоянок в археологических исследованиях / А.А. Формозов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – 1975. – Вып. 75. – С. 85 – 89.
40. Чубур, А.А. От Хотылева до Гренска: взгляд на древнейшую историю центра Русской равнины / А.А. Чубур // Деснинские древности-III: сб. материалов межгос. науч. конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. – Брянск: Изд-во Клинецовской городской типографии, 2004. – С. 43 – 50.
41. Kozłowski, S.K. Le Desnenien / S.K. Kozłowski // Anthropologie. – 1991. – XXIX/1–2. – S. 95 – 100.
42. Kozłowski, S.K. The tanged Points Complex / S.K. Kozłowski // Tanged points Cultures in Europe. – Lublin, 1999. – P. 28 – 35.
43. Kravtsov, A.E. Concerning the dating of the yenevo culture / A.E. Kravtsov // Tanged pointes cultures in Europe. – Lublin, 1999. – P. 272 – 279.
44. Sulgostowska, Z. Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dzwina i górnym Dniestrem / Z. Sulgostowska. – Warszawa, 2005. – 244 s.
45. Szymczak, K. Epoka kamienia Polski Północno-Wschodniej na tle środkowoeuropejskim / K. Szymczak. – Warszawa, 1995. – 191 s.
46. Taute, W. Die Stielspitzen-Cruppen im nordlichen Mitteleuropa / W. Taute. – Köln, 1968.

Поступила 30.06.2012

THE GRENSK CULTURE OF THE UPPER DNEIPER REGION IN THE NATIVE AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

A. KOLOSOV

The article deals with the main range of problems in the historiography of the Grensk culture of the Final Palaeolithic and Mesolithic ages in the Upper Dnieper region. At present, the understanding of the ways and mechanisms of the formation as well as the time of habitation of the representatives of this ancient culture are rather debatable. The interpretation of the sources has produced two completely different, in terms of methodology, research approaches, bringing together the supporters of the indigenous or migration ways of the emergence and the development of the Grensk culture. It is impossible to understand the essence of the so-called "Grensk question" without a historiographical study of the nature of its origin, and the solution of this problem can't be limited only by Upper Dnieper region. It should be included into the general course of culturological problems of the final paleolith – mesolith of the forest belt of Eastern Europe.